
А. В. НИКАНДРОВ

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО,
НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭТИКА
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ...
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ
(«Маршаллизация» европейской культуры
и внедрение американских идей)**

Интеллектуалы Западной Европы воспринимали американскую культуру, американскую социально-политическую мысль в высшей степени критически, и это критическое отношение усилилось после войны. В особенности такое отношение было свойственно интеллектуалам Франции. Так, В. П. Шестаков [2012: 143], отмечая «критическое неприятие американских тенденций к глобализму» французских публицистов и писателей, утверждает: «Критическое отношение к Америке усиливается после Второй мировой войны, когда США выступает в качестве гегемона западного мира, навязывающего Европе свои культурные и идеологические стандарты». Для успешного внедрения собственных императивов американские идеологи по необходимости пользовались навязыванием всяческого рода мифологем и штампов. Ложная альтернатива: или американское покровительство, или завоевание Сталиным (выраженное в знаменитом лозунге *НКВД или Coca-Cola*), – навязанная Западной Европе, и была такого рода мифологемой, с помощью которой атлантисты с успехом противостояли не только коммунизму и тем, кто ему симпатизировал или хотя бы критиковал буржуазную систему ценностей, но и – даже с бóльшим успехом – тем интеллектуалам, которые соглашались принять американскую военно-экономическую помощь, но отвергали при этом американскую культуру и социально-политические модели Америки. «Американцы

Философия и общество, № 2 2016 110–120

в ходе холодной войны, – пишет А. С. Панарин, – организовали настоящий погром “враждебной культуры интеллектуалов”, спорящих с буржуазной системой ценностей. Почему западноевропейский истеблишмент согласился с этим американским “похищением Европы”? Потому что он не поверил в перспективы европейского “центризма”, а поверил – точнее, поддался – шантажирующей дилемме: либо советизация Европы, либо ее американизация» [Панарин 2003: 93–94].

Раймон Арон, будучи одним из этих поддавшихся, вплоть до середины 60-х гг. разделял идеологические штампы о благой миссии Америки и невозможности спасения Европы без нее, заявляя, что «для антисталиниста не существует иного пути, кроме принятия американского лидерства» [Сондерс 2013: 147], не обнаруживая, что «железная истина» – быть антисталинистом значит безоговорочно принимать лидерство США – не имеет никаких оснований ни в теории, ни в политической практике. Р. Арон был одним из крупнейших интеллектуалов, поддерживающих идеи и направленность знаменитого в свое время Конгресса за свободу культуры¹ и принимающих активное участие в его деятельности, правым интеллектуалом-атлантистом, выступающим против влияния в среде левых западноевропейских интеллектуалов марксизма и компартий. Антикоммунизм, жесткая критика политики СССР и в особенности Сталина – принципиальная позиция французского правого интеллектуала; Арон осознает и открыто утверждает необходимость борьбы против идей коммунизма, с одной стороны, и критики основанной на «марксистских догмах» (в интерпретации Сталина) политики Советского Союза – с другой. «Арон отлично понимает, – говорит А. Б. Гофман, – антикоммунистическую направленность концепции “деидеологизации”. Последняя, заявляет он, “вовсе не разоружает Запад перед лицом коммунизма, <...> но дает ему наилучшее оружие» [Гофман 1976: 270]. Цель Арона – разоблачить «марксистскую мифологию», показать, что для сильного и влиятельного коммунистического движения в Западной Европе нет никаких оснований в политической реальности; что интеллектуалы, следующие «марксистской парадигме», ослеплены мифами –

¹ Об этой организации см.: [Сондерс 2013; Никандров 2014; 2015].

и этим мифам следует противопоставить интеллектуальное оружие. Речь идет, таким образом, об интеллектуальном сопротивлении «марксизму и советизму»: «В 1950 году, когда в Берлине произошло рождение “Конгресса...” (речь идет о Конгрессе за свободу культуры. – А. Н.), мобилизация сил интеллектуального сопротивления против Советского Союза значила гораздо больше, чем мобилизация против него вооруженных сил» [Арон 2002: 265]. В этой уверенности Арон не одинок: многие влиятельные философы разделяли его точку зрения: так, Фридрих фон Хайек начиная с середины 1940-х гг. «все более и более втягивался в сражение идей. Для Хайека интеллектуальная угроза была столь же велика, как и военная» [Хайек 1999: 228]. С австрийским экономистом и политическим философом Раймон Арон познакомился в начале 40-х гг. в Лондоне, где помимо участия в голлистском антифашистском движении «Сражающаяся Франция» общался с Хайеком, обсуждая будущую конституцию Общества «Мон Пелерин» (основано в 1947 г.); столь же интенсивное интеллектуальное общение связывало Арона с Карлом Манхеймом и Людвигом фон Мизесом.

Как раз к миланской конференции Конгресса за свободу культуры была приурочена книга Р. Арона «Опиум интеллектуалов» (*L'opium des intellectuels*. Paris, 1955), написанная под влиянием идей Конгресса в 1952–1954 гг. и в процессе острых дебатов о марксизме, коммунизме, Советском Союзе и Сталине с левыми интеллектуалами Жан-Полем Сартром, Морисом Мерло-Понти и Альбером Камю (причем Сартр и Камю в достаточно резкой форме отстранились от Конгресса и его идей). Книга Арона «Опиум интеллектуалов» совершенно естественным образом вызвала яростную полемику, без преувеличения – шквал критики: собственно, реакция интеллектуалов свидетельствовала о том, что книга с самого начала «предназначалась» стать причиной скандала. Эта работа Арона, быстро вошедшая в корпус *классики антикоммунизма*, выполнена всецело в духе идей Конгресса и представляется как раз-таки тем рафинированным интеллектуальным оружием, о необходимости разработки которого говорил Мелвин Ласки. Критика Аронем «сталинской догматики» – своего рода светского варианта религии – не лишена оригинальности и известного блеска; в антимарксистской, антикоммунистической и антисталинской

направленности ароновского «Опиума» присутствует много интересных и конструктивных моментов. Однако при всех достоинствах работы нельзя не заметить ее самой специфичной особенности: начиная с названия и заканчивая некоторыми приемами, автор преподносит свое произведение не столько как критику, разоблачение, книгу дискуссионную и вызывающую интеллектуальных соперников на диспут, сколько как хорошо сделанный (и, отметим, неплохо разрекламированный) товар. Сведение марксизма и коммунизма к догматической системе, а компартии – к своего рода церкви – помимо своеобразной, оригинальной метафоры в первую очередь рекламный трюк, красивая упаковка для товара, *интеллектуальной кока-колы*. Учитывая все это, нет ничего удивительного в том, что многие французские интеллектуалы того времени предпочитали «ошибаться вместе с Сартром, нежели быть правыми с Аронем», так как смысл и направленность работы Арона были очевидными.

Французского интеллектуала настораживает тот факт, что марксизм-ленинизм – «первая удавшаяся религия интеллектуалов», «идеология, ставшая эквивалентом религии» – хотя и «превозможен в научном плане; но в плане идеологическом, в том виде, в котором распространен во Франции, он приобрел невиданное до сих пор влияние; это влияние он приобрел благодаря своему толкованию истории» [Арон 1960: 82]². Причина такого успеха «сталинской догматики» среди западноевропейских интеллектуалов – в религиозном характере марксистско-ленинской идеологии, утверждает Р. Арон. «Священное писание» марксизма-ленинизма основано на мифах о мировом пролетариате, роли революции в истории, роли коммунистических партий в социалистических революциях, роли вождей и «священной доктрины» как идеологии в коммунистическом движении, руководимом компартиями. Только разоблачив все эти «догматы псевдорелигиозной основы марксизма-ленинизма» [Там же: 5], показав интеллектуалам, что марксизм – это не движение, к которому они принадлежат, а вера, внушенная им, можно вырвать промарксистских «прогрессивно мыслящих» (это выражение берет в кавычки сам Арон [Там же]) интеллектуалов из-под

² В 2015 г. эта работа была переиздана, см.: [Арон 2015].

влияния самой притягательной «секулярной религии» XX в. – марксизма-ленинизма. Впервые это обозначение – «секулярная религия» – по отношению к марксизму, к идеологии коммунистов Арон применяет в 1944 г., в статье с соответствующим названием «Будущее секулярных религий»; в это выражение Ароном уже тогда вкладывается противопоставление своего «реалистического осторожного либерализма» тому, что впоследствии будет названо тоталитаризмом.

Марксизм-ленинизм, или «сталинская схоластика», – это Священное Писание коммунизма; история партии – его священное предание, съезды Коминтерна и партии – церковные соборы, сама компартия СССР вместе с зарубежными ее епархиями (диоцезами) – это вселенская церковь коммунизма... Подобные аналогии можно продолжить, но смысл ароновских отождествлений вполне ясен. «К коммунизму, – говорит интеллигент, – применима формула Мишле: “Революция [1789 г.] не признавала никакой церкви. Почему? А потому что она сама была церковью”. Как и гражданская религия, коммунизм освящает долг индивидуума по отношению к партии, социалистическому государству, будущему человечества. Как и всякая другая религия, проповедывающая царство земное, коммунизм противопоставляет себя эзотерическому учению универсальной религии, как только ему удастся прийти к власти» [Арон 1960: 5]. В этом смысле понятие «секулярной религии» Арона сближается с понятием «политической религии» Э. Фёгелина, тесно связанным в его работе «Политическая религия» [Voegelin 1938] с концепцией тоталитаризма: «Тоталитарный режим ”не любит” религию, поскольку он сам превращается в религию» [цит. по: Симян 2012: 96].

Марксизм силен тем, полагает Р. Арон, что «себе присваивает вечное стремление к справедливости, он предсказывает торжество обездоленных» [Арон 1960: 82], то есть стремление к спасению. Спасение невозможно вне церкви, то есть партии, которая «не может и не смеет ошибаться, так как она проповедует и воплощает в себе историческую правду» [Там же: 83]. Партия, преображенная в мессию, делает идеологию догматом, эквивалентом религии; а ее глава отныне – *pontifex maximus* новой религии, единственный законный толкователь мистических истин для верных: «Генеральный

секретарь партии... тоже интеллигент: на закате своей блестящей жизни он дает верным какую-нибудь новую теорию капитализма и социализма, и эта книга как бы подчеркивает величие достигнутого. Императоры часто бывали поэтами или мыслителями, но впервые император властвует как диалектик, толкователь учения и истории» [Арон 1960: 211]. Однако (к такому выводу приходит сам Арон и подводит своих читателей-интеллектуалов, для которых предназначена книга) судьба любой религии, в том числе и «сталинского догматизма», – «ослабление идеологической горячности» [Там же: 210], «испарение» революционного духа, исчезновение иллюзий вследствие победы духа сомнений. Такова судьба светских религий: они «превращаются в мнения, как только люди отказываются от их догматов» с появлением скептиков, которые «должны потушить фанатизм» и научить людей «сомневаться в идеальных схемах и в утопиях», «не верить пророкам спасения и проповедникам катастроф» [Там же: 234].

Таким образом, Раймон Арон одним из первых для переориентации интеллектуалов использует метод отождествления идеологии марксизма с религиозной идеологией, со своего рода секулярной религией; и в этом тождестве находит *error fundamentalis* марксизма как опиума левых интеллектуалов, предвосхищая свою книгу знаменитой цитатой из Маркса о религии. Интеллектуалы будущего, уверен Арон, не нуждаются в идеологиях, в любом виде идеологического *paraver somniferum*. Но какое *мировоззрение* (лишенное притягательного *яда идеологии*) должно, по Арону, восторжествовать в интеллектуальном мире Западной Европы? Это американизм, американская идеология, которая лишена черт идеологии и поэтому на самом деле таковой не является: автор «Опиума интеллектуалов» называет все это «американской не-идеологией», талантливо избегая слова «либерализм» (ведь книга предназначена прежде всего для переубеждения левых французских интеллектуалов).

Заключительная глава «Опиума интеллектуалов» называется «Конец идеологической эры?», и в ней автор объявляет о решимости бороться против тоталитаризма с его истинами в последней инстанции, насаждаемыми государством. Р. Арон в этом смысле – «неверующий», мишень его критики – «государство, навязываю-

щее нам правоверное толкование каждодневных событий... толкование всего развития и, в конечном счете, – смысл человеческого бытия. Оно хочет подчинить своей псевдо-истине творчество духа, деятельность общественных групп. Защищая свободу проповеди, неверующий защищает свою собственную свободу» [Арон 1960: 233]. Однако что же конкретно можно противопоставить марксизму в плане теории, кроме апологии атлантизма и Америки с ее расплывчатыми «либеральными ценностями», культом свободного предпринимательства и т. д.?

Совсем иным методом были разного рода проекты, группы, «имитирующие» деятельность интеллектуалов с целью их компрометации, поддержанные СМИ и политиками (но у большинства европейских интеллектуалов вызвавшие резкую критику). Самый яркий пример такого рода – «новые философы» во Франции, ярко разрекламированный «проект»: эпатаж, броские фразы, ложные проблемы и фальшивые обобщения, гастрольные поездки новых «звезд», – настоящие «шоумены мысли»! «В марте – апреле 1977 года, – рассказывает замечательный советский публицист, литературовед, специалист по итальянской культуре Цецилия Исааковна Кин (1905–1992), – в Париже начался бум, какого не было уже лет десять, так как вышло несколько книг под эффектно-вызывающими названиями, и они были основательно разрекламированы. <...> “На протяжении нескольких лет в мире мыслителей происходит настоящая смена караула. Новое поколение философов берет приступом вчерашние крепости, сотрясает засевших в них, колеблет их уверенность в себе. Плеяда молодых теоретиков врывается...”, и так далее. Низвергаются идола (например, структурализм), утверждаются новые ценности» [Кин 1980: 106]. «Смена караула» была обставлена в высшей степени ярко и эффектно, по принципу «средств не жалеть», – целью было привлечь к «сенсации» максимальное количество «зрителей». По словам А. А. Костиковой, «сенсационность, основанная на отречении молодых интеллектуалов от их “революционного” прошлого, от идеалов, которыми они были движимы в конце 60-х гг., стала тем привлекательным моментом, который впервые вывел философскую концепцию на самую широкую аудиторию. По сути дела молодые философы оказались объединенными в движение в результате активной дея-

тельности средств массовой информации. Как отмечается, это была исключительная шумиха, поднятая средствами массовой информации, которая впервые непосредственно коснулась области идей» [Костикова 1996: 29].

Впрочем, «революционность» новых философов перешла в иное качество, распространившись на сферу политических идей и область взаимоотношений политики и культуры, – иными словами, в «епархию» интеллектуалов. Ненависть к «власти» и «господству» (понятия, которым новые философы придают особый смысл, связанный с «тиранией логоса» и «репрессивностью культуры»), воспевание «бунта» и «бунтующих масс», «истинности мышления бунта», – таковы основные «принципы» «молодых теоретиков». Все, что не является бунтом, является фашизмом: жить и мыслить «поновому» – значит бунтовать. Новые философы, пишет И. М. Кутасова, «выступили как критики всякой власти, всякого господства и всех разновидностей фашизма. Они заявили себя как продолжатели левых традиций антифашизма и антитоталитаризма. Но если идеологи “новых левых” сосредоточивали внимание своих читателей на авторитарных, бюрократических, насильственных методах, применяемых буржуазными государствами, то “новые философы” распространяют понятие “фашизм” на все идеологии, на все общественные системы» [Кутасова 1984: 22].

По замыслу «продюсеров», бренд «новые философы» был создан с целью противопоставления набирающим влияние «новым правым», которые отличались своей неприязнью к атлантистским идеям и призывали к защите фундаментальных европейских ценностей³; помимо «карнавализации» настоящих интеллектуалов, новые философы годились и для создания «шумовых эффектов», путаницы, дезориентирующей тех, кто прислушивался к голосам интеллектуалов. Среди этой «труппы»⁴ особо выделяются упомяну-

³ До известной степени утрируя, но тем не менее не погрешив в принципе против истины, Раймон Арон пишет об Алене де Бенуа, одном из основателей движения новых правых: «Беру, например, последнюю статью Алена де Бенуа о Соединенных Штатах и Советском Союзе. Из нее вытекает совершенно определенное кредо автора: лучше советский комиссар, чем бруклинский гамбургер. Подобное предпочтение не может не подразумевать ничего иного, как то, что американизм есть абсолютное зло» [Арон 2002: 763].

⁴ Новые философы гастролировали по Европе со своими выступлениями: так, летом 1977 г. «парижские дивы» (как метко выразилась Ц. И. Кин) «выступали» в Италии, при этом, пишет она, «французы вели себя как люди, владеющие истиной в последней инстан-

тые выше Б.-А. Леви и А. Глюксман – предводители «нового движения», «герои» «Красного мая», идеологи 68-го. Антимарксизм и антикоммунизм, ненависть к СССР, перешедшая в ненависть к России, с одной стороны, – и страстная любовь к Америке, безоговорочная поддержка любых действий «гегемона» – с другой, – таковы два базовых «принципа» вождей новых философов Б.-А. Леви и А. Глюксмана. Разоблачая поддельную эрудицию и фальшивый блеск риторики, свой вердикт о новых философах выносит Раймон Арон (сам будучи приверженцем атлантизма): «Лично меня “новые философы” не волнуют. Им не присущ оригинальный стиль философского мышления; их нельзя сравнить ни с феноменологами, ни с экзистенциалистами, ни с психоаналитиками. Они пишут эссе, не укладывающиеся в университетские нормы. Успеху этих авторов способствовали СМИ и отсутствие... справедливой и признанной критической инстанции» [Арон 2002: 767]. Жиль Делёз был еще более резок в оценках: утверждая, что мышление новых философов равно нулю, философ выносит безжалостный вердикт: «Во-первых, они оперируют грубыми, непрожеванными понятиями: Закон, Власть, Господин, Мир, Бунт, Вера и т. д. С их помощью они составляют гротескные связи, суммарные дуализмы: Закон и Бунт, Власть и Ангел. Во-вторых, и вследствие этого: чем слабее содержание мысли, тем важнее считает себя мыслитель» [цит. по: Кусинов 2003: 9].

Впрочем, продвижение «новых» (точнее, *нужных*) идей и концепций не всегда было связано именно с группами, с новосозданными движениями. Подчас рекламная и прочая поддержка оказывалась и отдельным проатлантистским интеллектуалам: один из самых ярких *проектов* такого рода – интеллектуал-социолог Жан-Франсуа Ревель (1924–2006), «утробный антикоммунист», с его многочисленными и очень сильно разрекламированными «бестселлерами», среди которых наиболее известны книги-памфлеты «Ни Маркс, ни Иисус» (1970), «Тоталитарное искушение» (1976), «Одержимость антиамериканизмом» (2002). Работы Ревеля не отличались научностью, обоснованностью или даже какой-либо особо интересной постановкой вопросов и т. п. Основная цель автора –

ции». И вообще, добавляет исследователь, новые философы неожиданно «активно вмешивались в итальянские дела» [Кин 1980: 108].

создание чисто конъюнктурных «трудов», связанных с определенными событиями, решениями или намерениями атлантистов и их «союзников», и имеющих конкретную заданность (так, например, в основе «Тоталитарного искушения», как говорит советский публицист, исследователь и критик Э. М. Розенталь, лежит «идея создания военно-политического блока “малой Европы” под руководством наднационального европейского парламента... Автор “Тоталитарного искушения” полагает, что отчуждение французского суверенитета пойдет Франции только на пользу» [Розенталь 1978: 159]. Однако, как иронично замечает Э. М. Розенталь, «сама по себе книга Ж.-Ф. Ревеля скорее всего осталась бы незамеченной, бестселлером ее сделала реклама, которая была тщательно продумана и подготовлена заранее. Ожидалось, что ребенок родится богатырского сложения, не вышло. “Монд” обнаружила в “Тоталитарном искушении” извращенные факты, необоснованные утверждения, эклектику и просто наивности. “Юманите-диманш” высказался более определенно: “Ему заказали бульдозер, а он дал терку для овощей”. Как бы там ни было, но Ж.-Ф. Ревель выполнил социальный заказ в срок» [Там же: 156]. Не более интеллектуальна (но исполнена, как обычно, в срок) и «Одержимость антиамериканизмом»: так, Л. Лами едко замечает, что в этой работе Ревель делает акцент на «свежей» идее, суть которой в том, что европейский антиамериканизм – результат плохого знания Америки и собственных неудач Европы; обвинения в адрес США по поводу «культурной колонизации» не имеют, по Ревелю, никаких оснований, – соответственно, в основе ненависти к Америке лежит банальная «истерия». Сведение антиатлантистских идей к истерии, аллергии и далее в этом духе – довольно распространенный прием «оправдания атлантизма»: проще наклеить ярлык, нежели отвечать на претензии обстоятельно и конкретно (тем более что честная дискуссия может привести и к нежелательным для «апологетов» американизма результатам).

Литература

- Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960.
Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002.
Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, Neoclassic, 2015.

Гофман А. Б. Социология во Франции // Социология и современность: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Ф. В. Константинова и др. М., 1976.

Кин Ц. И. Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980.

Костикова А. А. «Новая философия» во Франции: постмодернистская перспектива развития новейшей философии. М., 1996.

Кусаинов А. А. Французская «новая философия» и культура постмодерна. Волгоград, 2003.

Кутасова И. М. Антифилософия «новой философии». М., 1984.

Никандров А. В. Борьба идей в политической истории второй половины XX века: концепция конца идеологии и ее роль в идейно-политическом противостоянии коммунизма и атлантизма в эпоху холодной войны // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 5. Политика и политическое / под общ. ред. Е. Н. Мошелкова, О. Ю. Бойцовой. М., 2014. С. 65–88.

Никандров А. В. «Конгресс за свободу культуры» и проблемы культурного суверенитета Западной Европы второй половины XX века // Политическая культура общества и проблемы сохранения культурного суверенитета России: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / ред.-сост. С. Т. Новикова. М., 2015. С. 278–288.

Панарин А. С. Политическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.

Розенталь Э. М. Власть иллюзии. М., 1978.

Симян Т. Религиозность нацизма и эстетизация нацистской политики (семиотический аспект) // Критика и семиотика. Вып. 16. 2012.

Сондерс Ф. С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013.

Шестаков В. П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы? Ридерз дайджест по американской культуре. М., 2012.

Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / пер., сост. и предисл. С. Мальцевой. СПб., 1999.

Voegelin E. Die politische Religionen. Wien, 1938.